

18+

Алекс Ст★р

В
Владимир
Догина
Босса

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Алекс Стар

Льдинка. Во власти босса

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70164178

SelfPub; 2024

Аннотация

– Готова? – кривит он свои манящие губы в тонкой усмешке.– К чему? – чуть хриплым голосом спрашиваю я, делая шаг вперёд, приближаясь к нему всё ближе и ближе. На слишком опасное расстояние.– К подписанию контракта. самого важного контракта в твоей жизни, – ухмыляется мой босс... Я ненавижу своего босса. За то, что он сумел купить меня, и я была вынуждена пойти на его условия. За то, что он ни во что меня не ставит. Но при этом постоянно соблазняет меня. Или мне всё это только кажется, и на самом деле это я не могу без него? Не могу просто взять и уволиться, потому что ни за что не хочу с ним расставаться? Одно я знаю точно: я доработаю до конца нашего контракта, но даже после него он не сможет забыть меня.

Содержание

1	4
2	11
3	17
4	22
5	27
6	32
7	37
8	42
9	47
10	52
11	58
12	63
13	68
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Алекс Стар

Льдинка. Во власти босса

1

Чёрт! Чёрт! Черт!

Я ведь прекрасно знаю, что нельзя опаздывать, тем более на первое собеседование! Тем более на работу, которая тебе нужна больше жизни! Потому что от неё у тебя и так зависит вся твоя жизнь!

Стою на охране в ожидании пропуска в этот роскошный бизнес-центр и нервно поглядывая на часы: осталось всего три минуты!

Чуть ли не силой выхватываю у девушки на ресепшен свой пластиковый пропуск и со всех ног несусь через турникеты к лифтам: их так много, что можно запутаться.

Мне нужен тридцать третий этаж: это единственное, что я запомнила, и когда вижу на табло заветную цифру, врываюсь, как на баррикады, в открывающиеся двери, путаясь в своих каблуках.

И кто их только придумал?!

Какой-то садист, чтобы издеваться над бедными женщинами? Наверняка мужчина-садист!

Каблук застревает в щели между дверями, и я со всей дури лечу вперёд, судорожно пытаюсь ухватиться хоть за что-нибудь...

И по закону подлости этим чем-нибудь оказывается какой-то мужчина, успевший зайти в лифт раньше меня. Я вцепляюсь в лацкан его пиджака, словно он – спасительная соломинка, способная удержать меня на плаву.

Моё лицо буквально впечатывается во что-то твёрдое, но при этом мягкое. Упругое...

Меня обдаёт ароматом дорогой древесины и табачных листьев...

До меня доходит, что я стою на коленях, ухватившись в пиджак какого-то мужчины и прижавшись лицом к его животу!

Какой позор!

А лифт стремительно продолжает нести нас на вершину мира.

– Простите, пожалуйста, – наконец-то выдавливаю я из себя и пытаюсь подняться. Но мне не на что опереться в этом дурацком лифте, и я снова вынуждена цепляться за этот спасительный пиджак.

Всё ещё не решаясь поднять взгляд на его обладателя.

– Вы в порядке? – слышу я рядом мужской голос, и чьи-то сильные заботливые руки буквально подхватывают меня, как пушинку, и ставят на мои нетвёрдые ноги.

Итак. Их двое. Я стою, как провинившаяся школьница, перед обладателем дорогого пиджака, упругого торса и, как выяснилось, стального взгляда.

А рядом с ним стоит ещё один мужчина, который как раз и помог мне подняться.

Остались же ещё джентльмены на белом свете!

– Ничего страшного, – насмешливо скривив свои изогнутые губы отвечает мне моя «подушка безопасности». – Главное, чтобы вы ничего не расшибли.

– Спасибо, не расшибла, – отвечаю я, не отводя от него взгляда. – Вы очень мягкий, – добавляю я, и слышу, как рядом хмыкает его спутник, а у самого мужчины от удивления ползёт наверх одна бровь.

Чёрная смоляная бровь. Как и вся его шевелюра. Которая контрастирует с серыми глазами. Как предгрозовое вечернее небо.

– В этом меня пока ещё никто не упрекал, – медленно растягивая слова, произносит он низким, чуть хрипловатым голосом, от которого у меня всё сжимается внутри. И бегут мурашки по спине.

И я даже не знаю, чего мне больше всего хочется сейчас: снова ответить что-то дерзкое этому наглецу, даже не удосужившемуся помочь девушке подняться, или придвинуться чуть-чуть ближе к нему в этом тесном лифте, чтобы ещё раз почувствовать этот будоражащий аромат дорогого парфюма, власти и чего-то ещё...

Но тут лифт останавливается на тридцать третьем этаже, как мне и было нужно.

Уфф! Успела! Ровно девять ноль-ноль!

И я вырываюсь на свободу, даже не оглядываясь. Ещё чего не хватало: перед такой важной встречей думать о каком-то там грубияне из лифта!

Влетаю в стеклянные двери с надписью СМАРТЕХ и подбегаю к столу ресепшн, нервно поправляя на ходу узкую чёрную юбку и стараясь больше не падать.

– Инна. Лотоцкая, – нервно сглатываю, называя своё имя. – Мне назначено сегодня собеседование.

Девушка на ресепшен окидывает меня недовольным взглядом, как будто я ей что-то должна, и лениво просматривает список перед собой.

– Да, присаживайтесь, – словно делая одолжение, указывает она на диванчики за моей спиной. – Вас пригласят.

– Спасибо, – сдержанно и с чувством собственного достоинства оглядываюсь я, и у меня всё падает.

Потому что на диванчике сидят уже несколько девиц.

В деловых костюмах. Очках. С кожаными портфельчиками. И я понимаю, что они все тоже пришли на собеседование.

Хотя, с другой стороны, это большая компания, и здесь может быть миллион вакансий!

Не все же они обязательно должны устраиваться на работу личным помощником к самому генеральному директору и владельцу корпорации!

Но тут, словно подтверждая мои самые страшные опасения, одна из девушек в белоснежной блузке и строгой чёрной юбке выходит из кабинета, приветливо переговариваясь с женщиной, сопровождающей её:

– Мы вам обязательно перезвоним до конца недели, я уверена, вы понравитесь Роману Борисовичу, – напутствует она её и подходит к стойке ресепшен, где неприветливая секретарша, видимо, уже сообщила о том, что я пришла.

– Инна? – направляется она ко мне, окидывая оценивающим взглядом мой наряд «эконом-класса». – Пройдёмте за мной, – чеканит она не таким уж и приветливым стальным голосом, и я покорно встаю и плетусь за ней в переговорную.

– А почему вы перевелись на заочное отделение? – докапывается кадровичка до строчки в моём резюме.

Да потому что у меня нет денег учиться на дневном, – хочется прокричать мне ей в лицо, но я лишь со сдержанной деловой улыбкой отвечаю:

– Я не хочу терять время впустую, и решила приобрести профессиональный опыт уже сейчас, пока я учусь.

– Хм, – недоверчиво трёт переносицу эйчарша. – С опытом у вас, конечно, не густо, – бормочет она себе под нос, как

тут вдруг её телефон тренькает и она, мельком взглянув на экран, тут же хватается за него, и я вижу, как бледнеет её личико серой офисной крыски.

– Слушаю, Роман Борисович, – мягким медовым голоском поёт она, и мне даже не надо напрягаться, чтобы услышать, как в трубке раздаётся уже знакомый мне низкий хрипловатый баритон.

От которого у меня снова всё холодеет внутри. Где-то на уровне живота.

Это тот самый упругий мужчина из лифта.

Вот я и влипла. Сразу же, не дойдя ещё до собеседования...

– Елизавета Павловна, – очень громко раздаётся из трубки. – Вы знаете, как я ненавижу ждать. У вас было предостаточно времени. И если сегодня же вы не найдёте мне наконец-то нормальную ассистентку, то, боюсь, мне придётся искать и другого руководителя отдела кадров.

В переговорной наступает напряжённая, как густая сметана, тишина.

Её можно есть ложкой.

Кадровичка судорожно сглатывает и смотрит на меня затравленным взглядом, словно пытаюсь вспомнить, кто я такая, и как здесь вообще оказалась.

– Ну так на чём мы с вами остановились? – задумчиво бормочет она.

– На моём опыте, – спокойно отвечаю я, сдержанно и по-

деловому улыбаясь.

2

– Ах да, на опыте, – берёт себя в руки эта офисная мышка, и начинает приходить в себя. – Собственно, поэтому я и пригласила вас на собеседование, потому что меня очень заинтересовал ваш опыт в компании АВЕДОН.

Ну да, те самые три месяца, что я проходила практику в компании папиного друга.

Когда папа ещё был жив...

Воспоминания начинают туманить мне голову, но я быстро беру себя в руки: не время сейчас, и бодро отвечаю:

– Да, я как раз работала на аналогичной должности, и полагаю, что смогу и у вас выполнять схожие обязанности.

– Схожие, – вдруг хмыкает эта тётка, и я с удивлением смотрю на неё.

Что она вообще о себе думает?

Какие-то здесь все странные.

И теперь её взгляд победно сверкает, она опять оседлала свою любимую тему. Она снова может унижать таких ищущих и нуждающихся, как я. Стать для них повелительницей. Владычицей.

Ведь от этой серой сучки зависит, пройду я в следующий этап элитного отбора. Достояна ли я?

– Поймите, девушка, – сузив свои и без того крошечные глазки, тихим голоском начинает она. Как будто не знает мо-

его имени, которое распечатано прямо перед её лицом крупным шрифтом в моём резюме.

– Инна, – спокойно перебиваю я её.

– Что? – снова теряет она нить разговора и смотрит на меня растерянным взглядом.

– Меня зовут Инна, – вежливо и смиренно улыбаясь,правляю я её. – Просто напоминаю вам.

Даже если она не пропустит меня дальше к телу её драгоценного босса, которого она, похоже, до смерти боится, то пусть хотя бы запомнит меня.

– Хорошо, Инна, – продолжает эта тётка, но я слышу уже чуточку меньше спеси в её голосе. – Поймите, что всё, чем вам приходилось заниматься до этого, не идёт ни в какое сравнение с тем, что потребуется от вас здесь. Что потребует от вас Роман Борисович. Он очень требовательный руководитель.

– Я это уже поняла, – киваю я ей с невинным видом, и она недоверчиво смотрит на меня.

Но в моём взгляде нет и тени издёвки.

Я просто продолжаю играть свою роль. Ведь мне, чёрт побери, так нужна эта работа!

Я и так уже обегала весь город в поисках подходящих вакансий. И мне нужна очень хорошая зарплата. И мало где готовы платить студентке чуть больше прожиточного минимума.

Кроме компании СМАРТЕХ, где я сейчас и сижу на со-

беседовании.

Да я готова мыть полы и золотые унитазы у этого самого Романа Вербицкого, пусть только примут меня! Но я не произношу этого вслух, а лишь сдержанно киваю, и уверяю кадровичку:

– Я готова выполнять самые ответственные, самые сложные задания своего босса. Я понимаю, как это важно для компании. Корпоративный дух – превыше всего. Я всегда мечтала работать в подобной корпорации, и оказаться сейчас здесь для меня – огромная честь. Я готова выполнить любые тестовые задания. И уверяю вас, вы никогда не пожалеете о том, что дали мне шанс проявить себя.

Я заканчиваю свою пламенную речь, которую репетировала вчера целый день перед зеркалом, и выжидательно смотрю на эту Елизавету Павловну, пытаюсь определить по её взгляду, смогла ли я тронуть её черствое сердце офисной мышки.

– Ну что же, я рада, – наконец-то, словно после недолгих размышлений кивает она. – Мы вам перезвоним до конца недели.

Что?! Разве не эту дежурную фразу говорят всем, когда хотят от них вежливо избавиться?!

Сколько раз я уже слышала это «Мы вам перезвоним», что означает буквально «Мы вас больше вообще не хотим видеть»?!

И разве не этой крыске только что звонил её драгоценный

босс с требованием немедленно предоставить ему ассистента?!

И тут я понимаю, что вся та толпа в приёмной – это все кандидатки на эту бриллиантовую должность! И кадровичка точно знает, что найдёт среди них более достойных, более умных, более что, на всё готовых, чем я?!

Но работа нужна мне! Здесь и сейчас. Как можно скорее.

И тут я не выдерживаю.

– Правильно ли я понимаю, что вы мне больше никогда не перезвоните? – вскидываю я вверх подбородок и смотрю в упор на эту тётку, не отводя взгляда.

И чувствую, как от обиды у меня подступают к горлу слёзы и уже предательски щиплет в носу.

Только бы не расплакаться. Только бы не расплакаться.

– Чем я хуже всех остальных кандидаток? – продолжаю я допрашивать её. – У меня в дипломе одни пятёрки. Есть опыт работы в крупнейшей компании. Так чем, скажите мне, я вам не подхожу? – не опускаю я взгляд, и вижу, как лёгкая усмешка дёргается на лице женщины.

– Я думаю, Инна, нам нужна более зрелая кандидатка на эту должность, – наконец-то то произносит она.

– Да что это значит?! – не понимаю я.

Дискриминация по возрасту какая-то.

– Это значит, что мы подыскиваем на эту должность кого-то уже с жизненным багажом за плечами, – сухо объясняет она мне. – Потому что ваша работа не будет ограниче-

на выполнении только заданий, связанных непосредственно... – замолкает она, замявшись, – с работой офиса, – наконец-то находит правильное слово. – Ваши обязанности будут распространяться на все сферы, так сказать, жизни, вашего босса, – наконец-то заключает она.

– Вот и отлично, – смотрю я на неё. – Прямо как на моём предыдущем месте работы. Я делала всё. Абсолютно всё для своего босса, – напропалую вру уже я, что бы это не значило.

Главное ввязаться в драку, а потом уже разберёмся, что же такого загадочного мне всё-таки придётся делать.

– Ну хорошо, – задумчиво тянет она, как тренькает её телефон, и она испуганно косится на него. – Пройдёмте за мной, – встаёт она, и я на негнущихся ногах семеню вслед за ней.

Сработало!

Но мне безумно страшно, ведь сейчас я как раз увижу того самого ужасного босса, которого все боятся, но при этом все хотят устроиться к нему ассистентками.

Я снова прохожу мимо толпы девиц в приёмной, и только сейчас понимаю, что они действительно все старше меня. Лет на десять.

Да я просто какая-то маленькая девочка по сравнению с ними со всеми! В своей узкой дешёвой юбке до колен и белоснежной чуть ли не школьной блузке.

Но ничего. Я справлюсь!

Это мне больше всех нужна эта работа.

– Войдите, – слышу я низкий голос, когда кадровичка стучится в дубовую дверь в приёмной.

– Роман Борисович, я... – начинает лепетать она, пропуская меня вперёд, и мой уже знакомый мужчина с усмешкой смотрит на нас:

– Вы? Оставьте нас, – кидает он своей кадровичке, и я слышу, как дверь за моей спиной с грохотом захлопывается, оставляя меня наедине с властелином этой империи.

3

Я стою посередине гигантского кабинета с огромным столом, не зная, куда себя деть. Вдоль стен стоят массивные шкафы из натурального дерева, наполненные какими-то книгами с золотыми корешками, за стеклянной витриной расставлены золотые кубки – по всей видимости, награды за какие-то соревнования, а на низком столике поблёскивают дорожные бутылки с коньяком и виски.

Всё в этом кабинете кричит о богатстве и могуществе её владельца – Романа Борисовича Вербицкого, владельца огромной корпорации и одного из самых скандальных бизнесменов страны.

Это про него писали на каждой стене, что в позапрошлом году он ухаживал за очень известной бразильской фотомоделлю Лалли Брик, и даже сделал ей предложение, но потом просто не явился на свою же собственную свадьбу!

Это был скандал чуть ли не международного уровня. Модель в слезах, соплях и депрессии уехала к себе на родину, где очень долго проходила курс реабилитации в какой-то дорожной частной клинике.

И потом рассказывала в многочисленных интервью, что она вообще больше никогда не выйдет замуж, и не может смотреть на других мужчин, потому что этот дикий необузданный русский разбил ей сердце и навсегда сломал ей всю

жизнь.

Интересно, что он ей там сломал?

Потом в прессе описывали кучу скандалов с какими-то актрисами, светскими львицами и блогершами, и каждый раз все эти невероятные красотки твердили о поломанной судьбе и разбитых сердцах.

Тоже мне, сердцеед нашёлся.

И вот сейчас я стою перед ним, пока он с наглой усмешкой рассматривает меня с ног до головы.

В кабинете сифонит на полную мощность кондиционер, и кажется, что этому гаду совершенно не холодно. А вот мне очень даже зябко. На мне ведь одна юбчонка и тонкая белая офисная блузка с коротким рукавом!

А мне ещё надо попытаться очень профессионально выглядеть!

Поэтому я стараюсь смотреть прямо в глаза своему потенциальному боссу, который буквально пожирает меня взглядом.

И не торопится мне ничего говорить. Словно ждёт, испытывает меня.

– Какая неожиданная встреча, – наконец-то вскидывает он одну бровь, с усмешкой сверля меня взглядом.

И его губы кривятся в улыбке. Такой наглой. Такой соблазнительной.

Только сейчас я замечаю, какие у него чувственные губы. Изогнутые луком амура, так кажется, это называется? Чуть

полные, но не чересчур, и мужественные: как раз настолько, чтобы он смог очень нежно, мягко и одновременно властно поцеловать кого-нибудь...

Например, эту самую Лалли Брик... Или меня...

Так, стоп! О чём я вообще сейчас думаю!

– Действительно, очень неожиданно, – отвечаю и не отвожу взгляда от его глаз. – Хорошо, что мы уже успели с вами познакомиться. Там. В лифте, – бормочу я.

А то вдруг он забыл, как я уткнулась ему лицом прямо в низ живота и при этом чуть не оторвала ему кусок его дорожного пиджака?

Который сейчас висит на спинке кресла, пока его накачанную мускулистую грудь обтягивает тонкий батист светло-голубой рубашки. Итальянский дорогой бренд. Сразу видно.

Я в этом разбираюсь. Мой папа тоже любит такие. Когда бы ещё жив.

И тут воспоминания накатывают меня.

Нет, я не позволю им взять надо мной верх. Надо продолжать жить дальше!

– Ну как же. Такое вряд ли забудешь, – хмыкает он в ответ, откидываясь на спинку своего огромного кожаного кресла и скрестив руки на груди. – Кажется, это вы назвали меня мягким? – сверлит он меня своими пронзительными серыми глазами. – Ну что же, – наконец-то переключается он на монитор компьютера, стоящий на столе, и щёлкает мышью. – Инна. Лотоцкая. Девятнадцать лет, – и я понимаю, что сей-

час он читает моё резюме, которое ему переслала на почту кадровичка.

Я вижу, как он быстро пробегает по строчкам, просматривая мой микроскопический послужной список, и как удивлённо вскидывается его чёрная смоляная бровь, когда он видит там название компании-конкурента.

Которую он мечтал бы поглотить, уж мне ли не знать этого.

И снова откидывается на спинку, видимо, полностью удовлетворённый прочитанным.

– Ну так что, Инна, что ты хочешь мне предложить? – нагло смотрит он куда-то чуть ниже моей шеи, и я не сразу понимаю, о чём это он вообще.

Я опускаю глаза и с ужасом замечаю, что от этого ледяного арктического холода в кабинете мои соски полностью затвердели, и теперь дерзко вырисовываются прямо под тонкой тканью дешёвой блузки, призывными стрелами метаясь в моего потенциального босса!

И я понимаю, что и Роман Борисович это отлично видит, и теперь сидит, наслаждаясь прекрасным видом.

Совершенно произвольно под его наглым раздевающим меня взглядом я делаю шаг назад, и вдруг упираюсь во что-то огромное. Мягкое. С шерстью.

Я стою, парализованная страхом, боясь обернуться, и когда поднимаю голову наверх, вижу над собой огромную разинутую пасть. С клыками.

Медведь!

Плохо соображая, что я делаю, я пересекаю весь кабинет за какую-то долю секунды и запрыгиваю прямо на колени к Роману. Борисовичу. И с ужасом смотрю в его глаза.

В которых сейчас пляшут дикие искры смеха.

– Там медведь, – шепчу я ему одеревеневшими еле разлипшимися губами, и он отвечает:

– Я знаю, детка.

И единственное, что в данный момент я могу сказать одному из самых могущественных и богатых людей страны, взобравшись к нему на колени, так это:

– Я вам не детка.

И чувствую, как начинают пылать мои щёки. Моё лицо.

От стыда. От гнева.

А ещё от того, что я сейчас сижу чуть ли не верхом на коленях у самого сексуального мужчины, которого я когда-либо встречала в своей жизни до этого.

И уже успела за сегодняшнее утро облапать его всего.

Молодец, девочка. Ничего не скажешь. Пять с плюсом!

Очень удивлюсь, если эта работа достанется именно мне, а не одной из тех хладнокровных лощёных стерв из приёмной.

4

Холодные насмешливые глаза продолжают смотреть на меня с издёвкой, пока я медленно сползаю со своего потенциального босса, на которого повесилась от страха.

Приняв чучело за живого медведя. Хотя, как я могла это знать?!

Это сейчас, сидя в относительной безопасности от зверюги, я отчётливо вижу два стеклянных глаза, вззирающих на меня с Романом Борисовичем, но когда ты утыкаешься в мохнатую гигантскую тушу, совершенно этого не ожидая, то как-то совершенно невозможно сохранять хладнокровие.

– Допустим. Не детка, – холодно смотрит на меня мужчина, пока я одёргиваю на себе свою юбочку, стараясь натянуть её на коленки.

– Простите, пожалуйста, – в смущении бормочу я.

Мне точно не видать этой работы, на что я вообще могла надеяться?!

– Я просто решила...

– Решила что? Что ко мне в кабинет, на тридцать третий этаж, незаметно пробрался медведь? Или что я его здесь просто держу ради забавы? – перебивает он меня, и волна ярости вдруг подступает к моему горлу. – Да, это медведь, которого я собственноручно подстрелил на Дальнем Востоке. И привёз его на своём собственном самолёте. Обожаю

охоту, – смотрит он на меня своими глазами расчётливого хищника, и я чувствую, как у меня сводит живот от холода и страха.

И от чего-то ещё.

Не хотела бы я оказаться его добычей.

Или всё-таки хотела бы?

– А я считаю, что убивать животных ради забавы, просто так, очень жестоко, – отвечаю я этому напыщенному миллионеру. – Только ради того, чтобы он украсил ваш кабинет?

– Ну что же, и ради этого тоже, – запрокинув голову, начинает хохотать Роман Борисович. – А ты дерзкая штучка.

– Ещё раз вам повторяю, что я вам не штучка, – я чувствую, как слёзы обиды уже подступают к моему горлу. Что за идиотский у нас разговор! Ему нужен личный помощник или кто?

– Допустим, я не просто так убил этого медведя, – наконец-то закончив смеяться и совершенно не обращая внимания на мои дерзкие попытки защититься, встаёт он с кресла.

И медленно направляется ко мне, пока я всё так же продолжаю стоять, не зная, куда себя приткнуть.

– Я его убил и съел, – подходит вплотную ко мне этот властный мужчина, а у меня подкашиваются колени, и я просто оседаю под его натиском на стоящий тут же стул.

И теперь я чувствую себя ещё меньше и слабее. И смотрю на него снизу вверх, как провинившаяся школьница на строгого директора. Который возвышается надо мной всем

своим высоким стройным телом, обтянутым в дорогие итальянские шмотки.

– А так можно? – продолжает он всё так же стоять совсем вплотную, и я не знаю, что ему ответить.

И я вполне себе могу поверить, что он мог убить и потом съесть целиком огромного медведя. Я опускаю в смущении взгляд, и теперь он утыкается прямо на уровень его ширины, где штаны совершенно недвусмысленно обтягивают что-то по всей видимости очень даже внушительных размеров.

Я вспыхиваю. Затвердевшие соски предательски обрисовываются сквозь мою блузку, а Роман Борисович не торопится куда-то уходить, и продолжает стоять рядом, давя на меня всем своим авторитетом.

И неприкрытой дикой сексуальностью. Хотя мне-то откуда это знать?!

Ведь у меня никого никогда не было! Если не считать потных поцелуев с Алёшей. Но это, по-моему, сложно назвать хоть каким-то сексуальным опытом. Даже с натяжкой.

И я жалею, что я не одна из тех вышколенных девок, которые уж точно знали бы как себя преподнести этому напыщенному индюку. И злость снова придаёт мне сил.

Я поднимаюсь со своего стула, и сейчас снова хоть немного становлюсь выше, и мне не надо так высоко задирать лицо, чтобы отвечать ему. И уж тем более рассматривать его бугор в штанах, пытаясь отвести взгляд.

– Полагаю, так можно. Если вы убили это животное, чтобы

его съесть, то это не считается просто убийством, – не отводя взгляда от его тёмно-серых глаз отвечаю я.

– Спасибо за разрешение, – с иронией отвечает он, и я чувствую тонкий аромат мускуса и кубинского табака, исходящий от него.

А ещё запах дикого зверя. Охотника. Кровавой шкуры.

У меня перехватывает дыхание. Но я беру себя в руки.

– Ну так что, Инна, что ты можешь предложить мне? – снова задаёт он мне этот idiotский вопрос, и я просто выпаливаю ему в лицо:

– Вы видели моё резюме. Вы прекрасно знаете, что я умею. Я не понимаю, что вы хотите от меня?! – делаю я шаг назад, покачиваясь на своих высоких каблуках, как тростинка на ветру, и замечаю, как бессознательно сжимаются в кулачки мои руки от бессильной злости.

Прекрасно, ещё осталось только ножкой топнуть, как обиженная девочка, и тогда он точно возьмёт меня на работу!

– Ну что же, ты же видела всех тех претенденток на эту должность в очереди, да? – с тонкой усмешкой отвечает он.

И я только неуверенно киваю в ответ.

– Ну так вот, каждая из них, поверь, готова предложить мне всё. Абсолютно. Если ты понимаешь, о чём я, – смотрит он на меня в упор, и у меня перехватывает дыхание. – Да они перегрызут друг другу глотку, если им скажут, что победительница получит эту должность, – усмехается он.

И мне показалось, или я вижу тень грусти, пробежавшую

в его взгляде?

Но нет, такие не грустят, и он продолжает:

– И если я прикажу каждой из них встать на четвереньки и ползти ко мне на коленях через весь кабинет, она это сделает, не сомневайся, – жёстко говорит он. – И каждая из них опустится на колени и отсосёт у меня, если я ей прикажу. Точнее, если я позволю ей сделать это. А теперь скажи, детка, ты готова предложить мне то же самое? Или ещё что-то большее?

И долгая ледяная пауза, наполненная холодным воздухом из кондиционеров, повисает между нами.

5

– Что вы имеете в виду? – наконец-то выдавливаю я из себя.

Мне очень нужны деньги. Очень. Нужны, как никому другому в этой жизни. От них зависит жизнь моего самого дорогого человека.

Мы уже продали остатки всего, что у нас было в прежней жизни. Богатой, роскошной. И теперь вся надежда только на меня.

Но готова ли я к этому?

Я не знаю...

Злость и ярость снова закипают во мне, как в чугунном котле зелье ведьмы.

И я, уже не сдерживаясь, выплёвываю ему прямо в лицо, в его наглую напыщенную рожу:

– Если для того, чтобы получить эту работу, мне нужно сделать вам минет, то зачем мне вообще такая работа?! – гневно выкрикиваю я. – Зачем мне тогда вообще диплом финансового университета?! Или вы думаете, что нас специально учат отсасывать у генеральных директоров?!

Я произношу это, и чувствую, что всё темнеет у меня перед глазами.

Ну всё, теперь мне точно не видать ни этой должности, ни денег.

И раз мне совершенно нечего терять, я продолжаю:

– Да с чего вы вообще взяли, что каждая мечтает о вас?!

Может быть и мечтает какая-нибудь бедная девчонка, которая не встречала за всю свою жизнь ни одного нормального мужчины? Девушка, которая не знает себе цену! И да, если мне захотелось бы отсасывать за деньги, то не кажется ли вам, что мне проще было бы пойти работать стриптизёршей в какой-нибудь мужской клуб?! По крайней мере там никто тебе не врёт в лицо, зачем он пришёл туда, и честно платит деньги за выполненную работу. А вы под видом личного ассистента нанимаете себе личную сексуальную рабыню?! – грозно сверкаю я глазами, и чувствую, как пылает всё моё лицо.

И мне теперь становится очень даже жарко несмотря на дикий холод в этом кабинете.

А этот гад продолжает совершенно спокойно и невозмутимо слушать мою обличительную тираду, скрестив руки на груди.

– Отличная речь, детка, – наконец-то нарушает он своё молчание.

– Я вам не детка! – снова кричу я на него.

Ещё чуть-чуть, и он вызовет охрану. Вот меня понесло...

Но нужно отметить, что вся моя гневная речь только ещё больше развеселила его. И теперь в его глазах пляшут озорные дикие огоньки.

И от этого он становится ещё привлекательнее. Чёрт его

побери! Вообще не понимаю этого мужчину. Зачем ему какая-то личная ассистентка, готовая на всё, если и так полмира фотомоделей и самых известных красоток готовы упасть к его ногам? И позволят сделать с собой всё, что он только пожелает!

– Ну так а ты, ты-то знаешь? – со смехом спрашивает Роман Борисович.

– Знаю что? – не сразу понимаю я, о чём он сейчас.

– Ты знаешь себе цену, Инна? – и я отмечаю, что он даже запомнил моё имя.

Значит не зря я тут так распалаясь. На работу меня точно не возьмут, но хотя бы забудут не сразу.

– Ты только что тут мне объясняла, что переспать со мной согласится разве только та, кто не знает себе цену, – покачиваясь на носках и закинув руки за спину, как профессор на лекции, продолжает Роман Борисович. – Ну так вот, я тебя спрашиваю ещё раз, – смотрит она на меня уже совершенно стальным холодным взглядом, от которого у меня всё съёживается внутри. – Ты сама себе знаешь цену? Сколько ты стоишь? – продолжает смотреть он на меня в упор, и я не знаю, что ему ответить.

Я сама себя загнала в угол.

И я только тихо выдавливаю из себя:

– Я не продаюсь...

И тут слышу, как этот чванливый и безумно сексуальный мужчина разражается весёлым заливистым смехом. Совер-

шенно искренним и зажигательным. Таким, от которого у меня самой внутри всё начинает булькать от хохота.

– Поверь, моя маленькая крошка, – наконец-то затихает он, и я вижу какими озорными стали огни в его глазах. – Всё в это мире покупается и продаётся. И, следовательно, всё имеет свою цену.

– Даже вы? – не удержавшись, выпаливаю я ему прямо в лицо, и он отвечает, уже с любопытством разглядывая меня:

– Даже я, Инна. Даже я, – соглашается он со мной. И я слышу лёгкий оттенок грусти в его голосе. – Всего два миллиарда долларов. Это не секрет. Список Forbes, тридцатая строчка, – спокойно отвечает он. – Просто, поверь, в мире не так много людей, способных, а главное, желающих заплатить эту цену... И каждая из тех девочек в коридоре была бы счастлива, если бы за неё дали бы в миллион раз меньше. Понимаешь?

И я лишь качаю головой в ответ.

– Тогда, к сожалению, я вам не подхожу, – тихо отвечаю я. – Потому что я точно знаю, что я не буду счастлива, если меня просто так купят. Хоть и за десять тысяч или сто тысяч долларов, – продолжаю я.

Хотя в душе я точно знаю, что мне нужны эти деньги, и ради спасения своей сестрёнки я готова душу продать. Но, оказывается, не тело... Хотя какая же я беспросветная дура! Многие на моём месте сейчас бы уже стояли на коленях под столом и со страстным лицом убажали бы этого миллиар-

дера.

Только не Инна Лотоцкая. Она выше всего этого. Она сейчас выйдет из этого роскошного кабинета с гордым видом и пойдёт напрямиком на панель, чтобы заработать на срочную операцию для своей сестры.

По крайней мере на панели меня никто не будет так унижать! Просто бизнес: деньги за честно выполненную работу и не более того.

– Ну что же, хорошо, – смотрит на меня пристально Роман Борисович, а потом, словно совершенно потеряв ко мне интерес, возвращается за свой рабочий стол и плюхается в кресло, вытянув во всю длину свои стройные ноги в дорогих брюках.

И я сама того не контролируя, бросаю взгляд на его ширинку. Которая снова весьма недвусмысленно топорщится. Ну что же, за мной – целая очередь из желающих зарыться лицом и губами в эту ширинку, только дай знак.

И ни одна из них не упустит такой шанс.

– Спасибо, ты свободна, – совершенно безразличным тоном бросает мне Вербицкий, и я выхожу из кабинета.

И чувствую, как у меня в носу предательски щиплет. От подступающих слёз и обиды.

На что я вообще надеялась?!

6

Я открываю дверь и впечатываюсь со всей дури лицом во что упругое, твёрдое и тёмное.

Долю секунды не могу понять, что это снова со мной приключилась, как слышу тот самый заботливый знакомый голос из лифта:

– Вы в порядке?! Так вы уже здесь? – вдыхаю аромат какого-то мужского парфюма, приятного и ненавязчивого. С нотками хвои и звёздного неба.

Карие глаза мужчины озабоченно и с тревогой глядят на меня. Хоть кто-то заботится и тревожится! Как же это приятно, чёрт побери!

– Спасибо, всё в порядке, – бормочу я. – Но я уже уйду. Так что не переживайте.

Что-то у меня сегодня не день, а прямо рекорд по столкновениям с разными красивыми и властными бизнесменами. Я смущённо разглядываю мужчину: немного раскосые восточные глаза, высокие хищные скулы. Восточная кровь.

– Я вижу, собеседования уже идут вовсю, Роман Борисович, – комментирует встречу со мной внезапный посетитель. – Желаю вам удачи...

– Инна, – неожиданно представляет меня своему коллеге мой безвозвратно потерянный босс.

Зачем ему запоминать моё имя, если он даже не собира-

ется брать меня на работу?!

– Спасибо, – отвечаю я. – Но я уже ухожу. Не думаю, что мне повезёт, – сухо бросаю я напоследок и наконец-то выбираюсь из этой ледяной комнаты.

Где только что пережила одно из самых сильных унижений своей жизни.

Где мне дали понять, что я ни на что не гожусь, кроме как ублажать своего босса. И то, если я очень сильно постараюсь.

Да пошли они все! Все эти властелины мира, которые вдруг возомнили, что могут просто так покупать и продавать людей. Как вещи.

Я справлюсь. Я сильная.

Я сажусь в автобус, и пока он везёт меня через весь город в больницу, раздумываю, где же мне ещё можно раздобыть денег. В конце концов, клин клином не сошёл на этом прикурке. Работы полно, только пожелай. Единственный нюанс, нигде мне не выплатят сразу же такую огромную сумму, которая мне требуется... Я планировала устроиться на работу с хорошей зарплатой и сразу же взять кредит.

И теперь мои планы полетели ко всем чертям. Но ничего, что-нибудь придумаю, не зря же я одна из лучших учениц на курсе и иду на красный диплом.

Шла на красный диплом, – с грустью вспоминаю я. Все мои весёлые студенческие годы уже позади, и теперь я буду только приходить два раза в год на сессии и сдавать экзамены... Но всё это ради Юльки...

– Привет, сестрёнка! – с наигранной весёлостью приветствую я свою Юлю, хотя внутри у меня всё сжимается от боли.

Я до сих пор не могу смириться, что это сухое существо без волос с огромными печальными глазами – моя младшая сестра. Самая безбашенная и разбитная из нас двоих.

И даже сейчас, преодолевая боль, она пытается улыбнуться, но у неё выходит какая-то жалкая гримаса. Но я не подаю и виду.

– Ну как ты себя чувствуешь сегодня? – спрашиваю я, и она врёт мне, конечно же:

– Лучше всех, Инна. А как твоё собеседование? – в свою очередь интересуется она, и я точно также обманываю её:

– Всё прошло просто супер, сестрёнка! Должность у меня в кармане!

– Серьёзно? – с недоверием и одновременно с надеждой смотрит на меня Юля.

Мы ведь все прекрасно понимаем, что от моей зарплаты зависит её жизнь.

– И как тебе твой новый начальник? – переспрашивает она меня, и я вижу, как загораются огнями её огромные бездонные глаза. Ну хоть что-то чтобы отвлечь её от этих вечных болей.

И мне хочется сказать ей, что он самый напыщенный и высокомерный болван, которого я когда-либо встречала, но зачем ей это знать?

– Он взрослый, – начинаю осторожно я.

– В смысле взрослый? Старый? – переспрашивает меня Юлька.

– Нет, конечно, не старый, – вспоминаю я его волевое безумно притягательное лицо. Лицо взрослого опытного мужчины. А не какого-то там слюнявого ровесника. – Мне кажется, ему около сорока. Как раз старше меня лет на двадцать...

– Отличная разница в возрасте. Для начальника и подчинённой, конечно же, – тут же смущённо добавляет Юля. – Не старик, но и не молодой дурак, – словно читает она мои мысли. – Ну а как он тебе внешне? – продолжает она свой допрос, и я невольно улыбаюсь и краснею, вспоминая, как я сегодня практически несколько раз утыкалась лицом в его ширинку.

Но моей сестре это знать совершенно необязательно.

– Он очень привлекательный. И мужественный, – добавляю я. – Не даром же он создал такую могущественную империю.

– Погоди, а как его зовут? – переспрашивает меня сестра.

– Как, я тебе не рассказывала? – пожимаю я равнодушно плечами.

Конечно же, я никому об этом не рассказывала. Чтобы не сглазить! Но и это, как выяснилось, мне не помогло... И теперь уже можно смело раскрывать все карты.

– Это же Вербицкий.

– Как?! Тот самый Вербицкий?! – аж привстаёт в постели моя сестрёнка. – Тот самый знаменитый плейбой? – она берёт в свои тонкие, как птичьи лапки, руки мобильник, и начинает скролить ленту. – Я же только что видела о нём пост в новостях, вот, подожди, – что-то ищет она, и наконец-то тыкает мне в лицо красочной фотографией, где мой так и несостоявшийся босс со сдержанной улыбкой обнимает за талию самую красивую актрису страны, и надпись под снимком недвусмысленно намекает: «Знаменитый олигарх нашёл наконец-то свою новую любовь? Или это всего лишь очередной каприз?», и ниже небольшая заметка о том, что Светлана Синичкина была замечена ни один раз в обществе самого желанного холостяка страны.

И хотя мне совершенно плевать на этого придурка, я чувствую, как во меня неприятно колет мелкими иголочками какое-то странное чувство.

Ревности? Но как такое возможно? Мне ведь он безразличен? И я его вряд ли вообще увижу хоть когда-нибудь!

Как только я выхожу в коридор, я встречаю лечащего врача Юли, Ивана Андреевича. Светило отечественной медицины, и только он сможет нам помочь. Но и его ресурсы не безграничны. Нужна операция. Которая стоит больших денег.

И времени почти не осталось.

– Ну как, Инна у тебя дела? – заботливо смотрит он на меня, и я улыбаюсь через силу в ответ:

– Всё хорошо. Мы справимся, доктор. Только скажите, сколько у нас ещё есть времени?

– Я думаю, три месяца – это крайний срок, – и от его слов у меня сердце проваливается вниз. И разбивается о холодный больничный пол.

Всего три месяца.

Но я не подаю и вида, и лишь мужественно отвечаю:

– Отлично! За три месяца я соберу нужную сумму, Иван Андреевич, и, возможно, раньше! Даже не сомневайтесь!

– Я не сомневаюсь в тебе, Инна, – пронизательно смотрит он мне в глаза. – Но иногда цена бывает непомерно высока, правда? – грустно вздыхает он.

Он что, читает мои мысли?!

– Это цена жизни моей сестры, – наконец-то твёрдо произношу я. – И я готова её заплатить, чего бы мне это не стоило.

И это правда.

– Ты смелая девочка, Инна, – кладёт он мне руку на плечо. – И я в тебя верю. Ну что, до завтра? – прощается он со мной.

Потому что вот уже два месяца я каждый Божий день прихожу в клинику, и ещё не пропустила ни одного дня.

Потому что моя сестра – это единственное, что у меня осталось от моей семьи, когда-то такой счастливой и большой. И я больше не готова никого терять.

С грустными мыслями я снова сажусь в автобус, пытаюсь понять, куда же мне ещё отправить своё резюме, как вдруг получаю сообщение: «Информируем вас, что наша компания готова предложить вам работу», и я не сразу вспоминаю, что это одна из тех небольших фирм, которые я обегала за последние две недели. А что, приятный коллектив. Маленький уютный офис. А главное они готовы были взять меня без опыта работы.

Так это же просто замечательно! Правда, зарплата там будет поменьше, чем в этом грёбаном СМАРТЕХЕ, раз примерно в десять, но ничего, прорвёмся!

И я на крыльях счастья несусь в свою крошечную квартиру на окраине города, которую делю со своей подружкой Олей.

Потому что от нашего большого семейного дома остались только одни воспоминания, и совсем немного денег, которыми я оплачиваю лечение и свою жалкую комнатку со ста-

рой затхлою мебелью о прежних жильцов.

По крайней мере, мне теперь не придётся идти на панель, – с облегчением вздыхаю я про себя. Заработаю честным трудом. Возьму кредит на операцию, а потом обязательно выплачу: у меня ведь вся жизнь впереди!

Забегаю в свою квартиру, наконец-то сбрасываю с себя эти ненавистные каблуки, от которых у меня безумно ноют ноги, и забегаю в свою комнату, чтобы поскорее переодеться в нормальную удобную одежду, а не в эту дурацкую дешёвую блузку и юбку, купленные на распродаже.

И у меня чуть не выпрыгивает от страха сердце, когда я вижу какого-то мужчину на своей кровати!

– Кто вы?! – ору я, принимая оборонительную позу. – Я сейчас вызову полицию! – и несусь на всех парах на кухню в поисках ножа, чтобы прирезать обидчика, если потребуется.

И слышу за спиной такой знакомый голос:

– Малыш, да ты что?! – и я оборачиваюсь, выдыхая.

– Дима?! Что ты здесь делаешь? Почему ты не на лекциях? – спрашиваю я своего парня, с которым мы встречаемся вот уже полгода.

– Я соскучился, малыш, – подходит ко мне вплотную Дима, в одних джинсах и без футболки, и нависает надо мной своим подтянутым спортивным телом. – А то ты бегаешь по разным собеседованиям, и я тебя совершенно не вижу, – ноет он, прижимая меня к себе, и его ладони ползут всё ниже и ниже, спускаются к моей попке... – Сколько вообще ты бу-

дешь надо мной издеваться? – шепчет он мне прямо в ухо. – Я ведь безумно тебя хочу. Я живой мужчина. Сколько мне ещё ждать, а? – целует он меня в шею, и я понимаю, что мне совершенно сейчас не до этого!

Мне самой интересно, сколько ещё будет ждать меня этот двадцатиоднолетний парень, за которым и так бегают все девчонки нашего универа?

– Прости, Дима, – отстраняюсь я от него. – Ты же понимаешь, в какой я сейчас ситуации... Давай подождём ещё немного, я пока не готова, – бормочу я ему обещания, которыми кормлю его всё последнее время.

И вижу, как разочарование наполняет его взгляд. Как холодная вода – пустой стакан.

– Ну хорошо, – уныло бормочет он, и, видимо, чтобы поддержать разговор, а не потому что его это очень волнует, интересуется: – Как, кстати, там твоё собеседование?

И я ему с горящими глазами рассказываю, что меня наконец-то пригласили на работу в одну милую небольшую компанию.

– Как здорово, – с улыбкой произносит Дима, снова привлекая меня к себе. – Поздравляю, малыш! – Может быть, всё-таки отметим? – и я начинаю подозревать, что он любое событие в моей жизни будет использовать как способ залезть мне под юбку.

Хотя чего я вообще хочу от здорового молодого парня? Чтобы он хранил целибат? Он ведь и так ради меня отказал-

ся от секса!

Надо всё-таки подумать, когда же я наконец-то смогу пересилить себя и всё-таки лишиться своей драгоценной девственности. Которая никому не нужна. И даже мне...

Просто мне сейчас совершенно не до этого, совершенно не до этого...

И тут перед моим мысленным взором снова всплывает этот проклятый Вербицкий, и я чуть ли не физически ощущаю его аромат, который я запомнила. Записала над подкорку.

Древесная стружка. Терпкий аромат мужского тела и нагретый на солнце янтарь...

8

Дима крепко прижимает меня к себе, и я чувствую, как наливаются жидкой сталью его член, трущийся о мой живот. Его ладонь продолжает своё путешествие под подол моей юбки, а я вспоминаю тот терпкий аромат мужчины, который навсегда со мной.

Я закрываю глаза, и мне кажется, что сейчас не мой парень, а другой – властный и сильный, привлекает меня к себе, сжимает в своих объятиях, и я таю, как маленький кусочек воска в его ладонях...

– О, Инна, – бормочет хрипло на уха мой Дима. – Давай сделаем это сейчас, я больше не могу ждать, – и я чувствую, как он отодвигает край моих трусиков, чтобы запустить в них свои потные дрожащие пальцы...

Но нет, у меня снова перед глазами проносится насмешливая улыбка, квадратный властный подбородок и глаза цвета предгрозового тёмного неба. Я всматриваюсь в Диму, который уже плохо контролирует себя, и мне становится смешно, когда я вижу его потуги дотянуться до застёжек моего лифчика.

И тут словно в помощь мне, звонит телефон, и я отталкиваюсь от крепкой груди парня.

– Мне надо ответить, – бормочу я.

– Но зачем? Кому надо, перезвонят, – хрипло ноет Дима.

– А вдруг это по работе? – не унимаюсь я. – Ты же знаешь, как долго я её искала! – и я хватаю свой телефон, уходя в свою комнату.

Незнакомый номер: точно по работе! Может быть, мне звонят ещё из какой-нибудь фирмы?

– Слушаю вас внимательно, – деловым тоном произношу я. Мне надо выглядеть и звучать совершенно профессионально.

– Инна Лотоцкая? – переспрашивает смутно знакомый голос.

– Да, я, – и моё сердце начинает трепетать в надежде.

– Это руководитель отдела кадров СМАРТЕХА, – представляется женщина.

Ну конечно, та самая крыска! Но что ей от меня надо?! Ещё раз хочет меня унижить? Перезванивает, чтобы сообщить, что я не подхожу её бриллиантовому мудаку-боссу?

Могла бы и не беспокоиться. И так всё понятно, без дурацких звонков.

– Звоню вам, чтобы сообщить, что вы были выбраны по результатам собеседования на должность личного ассистента президента компании, – деревянным голосом продолжает она, и я даже не сразу вникаю в смысл её слов.

Что?!

– Это какая-то странная шутка? – переспрашиваю я, всё ещё не веря в реальность происходящего.

Ну как в такое можно поверить! После всех моих сегодняшних утренних унижений! Ах да, и моего более чем прямого отказа отсосать у Вербицкого прямо в его кабинете!

И воспоминания снова накатывают на меня горячей волной ярости.

– Нет, всё очень даже серьёзно, – продолжает кадровичка. И по её тону становится понятно, что это не шука.

Мне кажется, эта женщина вообще не способна шутить.

– Вы должны подъехать в офис для заключения контракта, – сообщает она мне. – Сегодня же.

– Но я сегодня уже не успею, – вспоминаю я, как далеко мне ехать в офис: через весь город на автобусе, а потом на метро. – Рабочий день уже окончен, – оглядываюсь я на часы на стене.

Почти вечер.

– У личного ассистента Романа Борисовича нет чёткого рабочего времени. У него ненормированный рабочий график, – отрезает эта тётка в трубке. – Через полчаса за вами приедут, потрудитесь спуститься к машине, – отдаёт она мне последний приказ.

А вдруг я больше не хочу работать в этом гнилом месте? У этого напыщенного индюка?

И тут я вспоминаю заметку, которую мне показала Юлька: Вербицкий стоит и смотрит куда-то в сторону, чуть отстранённо, рядом с улыбающейся во весь рот знаменитой актрисой.

– Позвольте узнать сумму контракта, – решаюсь задать я волнующий меня вопрос.

– Это конфиденциальная информация, – отрезает кадровичка. – Могу только сказать, что речь идёт о шестизначной сумме. Поверьте, это самая большая зарплата, которую вы только можете себе представить, – добавляет она.

Шестизначной?! О таком я даже и мечтать не смела!

В любом случае съезжу, почитаю контракт. Никто меня ни к чему ведь не принуждает. Ну не понравится мне что-то, можно ведь это обсудить, в конце концов? Или даже не подписывать! Мы не во времена рабства живём!

Я свободная девушка, могу встать и уйти в любой момент, – успокаиваю я сама себя.

– Хорошо. Я поняла, через полчаса, – отвечаю я этой крыске и вешаю трубку.

– Кто это был? – подходит ко мне Дима и обнимает меня сзади.

И я чувствую спиной его стояк. Он всё ещё хочет меня.

– Это звонили из офиса Вербицкого. Меня берут на работу, – произношу я эти слова вслух, всё ещё не веря, что это происходит со мной.

– Это к тому олигарху? – недовольно тянет Дима, и я чувствую ноты разочарования в его голосе. – Поздравляю, – совсем не радостным тоном произносит он. – Так может быть продолжим, детка? – снова начинает посасывать он мочку моего уха, но моя голова занята совершенно другим.

– Мне надо сейчас будет уехать, – отстраняюсь я от него.

– Но куда? Так поздно? – сиплым голосом бормочет мой парень.

– Мне надо ехать на работу, – просто объясняю я ему.

– Да что это за работа такая? Сейчас уже вечер, – напрягается Дима.

И тут злость начинает вскипать во мне, как в чайнике.

– Послушай, мне не важно, какая работа. Главное – работа. На которой платят деньги. И точка, – отчётливо произношу я, глядя ему прямо в глаза. – Ты прекрасно знаешь, зачем мне нужны деньги. – И сейчас я встану и поеду, куда мне скажут, – чуть ли не выкрикиваю я.

Потому что мне самой страшно.

Но у меня нет выхода.

И так не раздевшись, не сняв свои дешёвые офисные шмотки, я снова надеваю каблуки, но потом, немного подумав, скидываю их и влезая в кроссовки.

Перебьётся.

И, хлопнув дверью, спускаюсь вниз к подъезду, где меня уже ждёт роскошная иномарка представительского класса с водителем.

9

Я покачиваюсь на заднем сидении роскошного автомобиля, который везёт меня по украшенным огнями вечерним улицам, и гадаю, что такого срочного потребовалось от меня этому чёртову боссу, чтобы забирать меня из дома прямо в офис в такой поздний час.

Ему что, больше нечем заняться?

Странные все какие-то.

Но слова кадровички об огромной, просто нереальной для меня сумме, подстёгивают меня. Не думаю, что сейчас время отказываться от таких возможностей.

Пока еду, приходит сообщение от Димы: «Малыш, я дождусь тебя», и я задумываюсь о наших перспективах.

С одной стороны, Дима – пятикурсник, и уже заканчивает институт в следующем году. Нормальная семья, стабильное будущее.

Но он совершенно далёк от меня и моих насущных проблем.

Мы с ним познакомились, когда я училась на первом курсе, была весёлой и жизнерадостной красоткой с отцом-бизнесменом и любимой сестрой. Все хотели дружить со мной, и ничего не предвещало в этом мире такого поворота.

Отцовские долги, кредиты, наезды каких-то бандитов: я же всё ещё была слишком маленькой девочкой, чтобы во

всём это разбираться. Сначала отняли наш семейный бизнес, потом все наши машины и большой загородный дом. И отец не смог пережить этого всего.

Инфаркт.

Всё случилось так быстро.

А ещё быстрее, и я этого совершенно не ожидала, от нас отвернулись все наши многочисленные друзья и горстка родственников. Оказывается, я поняла это только спустя какое-то время, им всегда от нас были нужны только деньги.

И пока мы были богаты, в нашем доме всегда толпились разные люди, и наши многочисленные далёкие родственники не переставая навещали нас.

Мой папа никому не отказывал.

Но как только случилась беда, вдруг выяснилось, что мы с Юлей совершенно одни на белом свете. Мне пришлось продать остатки всего: даже старинное антикварное кольцо с изумрудом нашей прапрабабушки, которое мне отдала мама, чтобы заплатить за похороны отца.

Очень скромные похороны.

На поминки пришло пару людей, не больше, и мы вернулись с сестрёнкой в крошечную квартирку, оставшуюся нам от мамы в центре города. Чтобы научиться жить заново, с нуля.

Только беда не приходит одна. Никогда. Она всегда ведёт за собой целый выводок таких же маленьких уродливых несчастий – её выкормышей.

И когда лёгкие боли у моей сестры вдруг превратились в страшный диагноз, я, даже не раздумывая, продала нашу квартиру. Вот и вся моя грустная и короткая история.

И теперь я размышляю: способен ли Дима, у которого всё есть, понять мои беды и потребности?

Я тоже совершенно не ханжа, и прекрасно осознаю, что молодому здоровому мужчине требуется секс. Любовь. Страсть. Но способна ли я сейчас это всё дать ему? Способна ли я вообще что-то дать кому-то?

Достаю своё маленькое зеркальце и внимательно рассматриваю себя в него: прозрачная белоснежная кожа. Мы ведь не были в этом году на море. Да что там на море, я даже на речку ни разу за это лето не выбиралась! Как-то было не до этого...

Огромные, тёмно-синие глаза, которые выглядят ещё больше на моём осунувшемся от постоянных тревог и недосыпа лице. Заострившиеся высокие скулы. Чуть пухлые губы, алеющие двумя бутонами на лице: эта моя вечная дурацкая привычка покусывать их, когда я злюсь или волнуюсь.

Не сомневаюсь, что сегодня я их искусала до крови на этом злосчастном собеседовании. Провожу языком по нижней губе и чувствую лёгкий след от своих зубов...

Тонкая длинная шея, выпирающие ключицы, светлые волосы с медовым оттенком. И ноль косметики. Да я выгляжу как ребёнок! Не удивительно, что никто сегодня не хотел воспринимать меня всерьёз! Как будто школьница пришла

на детский утренник. Это надо срочно поправить.

Не хочу выглядеть перед своим новым боссом маленьким растрёпышем, и я, нащупав в сумочке помаду, начинаю отчаянно красить губы, чтобы хоть как-то прибавить себе возраста и солидности.

– Приехали, – слышу отрывистый голос водителя, и не успеваю опомниться как он, выйдя из машины, уже открывает мне дверцу. Вот это сервис.

– Спасибо, – улыбаюсь я ему во весь свой теперь ярко-алый рот, который, я очень надеюсь, добавляет мне профессионализма.

Иду уже по пустому офису, где все успели разойтись по домам, в сторону того самого кабинета с медведем, и в приёмной своего нового босса чуть ли не снова сталкиваюсь с какой-то невероятной красоткой, выходящей из кабинета Вербицкого.

Да это сплошной день столкновений!

– Простите, – смущённо бормочу я, пока краем глаза замечаю, что у девушки чуть ли не до талии растёгнута дорогая блузка, и из неё недвусмысленно выглядывает кружевное сексуальное бельё.

Она ничего не отвечает на мои извинения и лишь презрительно окатывает меня своим ледяным взглядом. Мою жалкую тоненькую фигурку. И даже без каблуков. И молча выходит из приёмной, громко хлопнув дверью на весь пустой гулкий офис.

Где же я её видела... Какое знакомое красивое лицо...

– Можно? – тихонько стучу в дверь кабинета, в котором уже была сегодня утром, и слышу густой знакомый голос, от которого у меня непроизвольно бегут мурашки по коже.

– Входи, Инна.

И я делаю шаг внутрь. Он помнит моё имя. И я сама того не осознаю, как мгновенно теплеет моё сердечко в груди.

Хотя, как он не запомнит его, если теперь я буду его личным ассистентом? Его доверенным лицом? Поднимаю глаза.

И только сейчас понимаю, как я безумно успела соскучиться по этому красивому, чуть усталому лицу! Которое, действительно, записалось на мою подкорку, как и его запах.

– Готова? – кривит он свои манящие губы в тонкой усмешке.

– К чему? – чуть хриплым голосом спрашиваю я, делая шаг вперёд, приближаясь к нему всё ближе и ближе.

На слишком опасное расстояние.

– К подписанию контракта. Самого важного контракта в твоей жизни, – ухмыляется Вербицкий. И я замечаю, что его дорогая итальянская рубашка расстёгнута, и в открывшуюся прорезь видно загорелую кожу.

С густой шерстью на ней. Как у дикого зверя. Как у охотника.

Который подстрелил свою добычу.

Я стою перед ним, и меня снова обдаёт ледяным холодом, хотя внутри я вся – пылающее пламя.

– С чего вы взяли, что это самый важный контракт в моей жизни? – дерзко смотрю прямо в его бездонные тёмно-серые глаза.

Сглатываю. Лишь бы он не заметил, как я волнуюсь. Ладони вспотели, ноги подкашиваются, но я не подаю и вида.

– Инна Лотоцкая. Девятнадцать лет. Дочь того самого покойного Игоря Лотоцкого... – задумчиво перечисляет он факты моей биографии.

А он уже навёл, оказывается, справки!

– Что же заставило столь блистательную девочку, подающую такие большие надежды, золотую принцессу, отличницу, ходить по собеседованиям и выпрашивать зарплату побольше? – смотрит он на меня.

И я снова вижу эту ненавистную насмешку в его взгляде. Как он рассматривает мою дешёвую одежду с иронично приподнятой бровью.

И я тут же вспоминаю красотку в дорогущих шмотках, только что выпорхнувшую из его кабинета...

Но значит, не всё ему всё-таки сообщили, раз он задаёт такие дурацкие вопросы. Это ведь и ежу понятно, что не от хорошей жизни я стою сейчас перед ним и выслушиваю его

насмешки и нотации. И мой взгляд снова ненароком скользит по вырезу его рубашки.

И ещё ниже...

К его ширинке... Чем они интересно только что здесь занимались с той девушкой? Неужели нельзя это делать дома или в отеле?

Или господину Вербицкому доставляет ещё большее наслаждение трахаться со своими многочисленными любовницами именно здесь, на тридцать третьем этаже небоскрёба с видом на город? И чувствовать себя властелином мира?

Эта мысль придаёт мне злости и сил, и я дерзко отвечаю своему будущему боссу:

– Я пришла сюда, потому что мне нужна работа. И этого должно быть для вас достаточно. Или это преступление? Или золотые девочки, по вашему мнению, должны сидеть в золотой клетке и ничего не делать?!

Я чувствую, как краснеют мои щёки, снова заливаясь краской, когда я распалюсь, и я снова кусаю от досады свои ярко-алые губы.

Надеюсь, он не видит, как сильно я волнуюсь! Не хочу показывать ему свою слабость! Хотя слёзы обиды снова подступают к горлу. Зачем он вообще позвал меня? Чтобы в очередной раз унижить?

Лучше бы соглашалась на ту самую работу в той маленькой, но зато очень милой компании!

– Нет, не должны, – смеётся Вербицкий. – Просто золо-

тые девочки так мало знают о жизни. Что ты вообще видела, какие трудности успела испытать? – выплёвывает он мне в лицо жестокие слова.

И мне хочется выкрикнуть ему в лицо, что на мою долю выпало больше, чем на чью бы то ни было, но я сдерживаю себя.

Не буду унижаться перед этим спесивым придурком.

– Девочка, которая родилась с золотой ложкой во рту и в норковых пелёнках? – продолжает тем временем он свою тираду.

И встаёт со своего места, видимо, решив размяться, и ещё больше принизить меня своими словами.

– Да что ты знаешь, детка, о трудностях в жизни? Не купили миллиардную Барби в детстве? Или подарили Мерседес не того цвета? – приближается он ко мне, и я чувствую, как у меня буквально перехватывает дух от его присутствия.

Ощущения его тела рядом.

– Что у тебя вообще случилось такого? Захват папиной фирмы? Смерть отца? Прими мои соболезнования, – неожиданно очень серьёзно добавляет он. – Но это жизнь, детка. Добро пожаловать в клуб. Миллиарды людей в этом мире живут, не имея и миллиардной доли того, что ты имела в детстве.

– И зачем вы меня тогда позвали?! – вырывается у меня. – Чтобы рассказывать о бедах миллиардов людей на земле?!

Мне хочется выкрикнуть в его наглое лощёное лицо, как

мне тяжело пришлось в детстве без мамы, и да, папа нас с сестрёнкой задаривал подарками, но только чтобы мы так остро с ней не ощущали её утрату! А теперь, уже потеряв всё, я рискую и потерять единственного близкого оставшегося в живых человека!

Но глядя на самодовольную рожу олигарха, я понимаю, что это всё – бисер перед свиньями. Не его поганое дело, что я испытала, и что могу потерять! И я не собираюсь перед ним оправдываться!

– Успокойся, детка, – снова поднимает он свою красиво выгнутую бровь. – Я позвал тебя, чтобы дать тебе то, что ты и хочешь. Я дам тебе шанс. Шанс заработать. Тебе ведь нужны деньги. Правда? – в упор смотрит он на меня.

И я вся холодею внутри.

– Вам всем всегда нужны деньги, – добавляет он, словно констатируя факт. – Всего лишь деньги. Ну так вот, ты их получишь, но только если выполнишь все условия контракта.

– Что за условия такие?! – не выдержав, переспрашиваю я.

– О, ничего особенного, детка. Самое обычное условие: проработать у меня испытательный срок. Всего три месяца. Всё по закону верно? – нависает он надо мной своим высоким стройным телом, и я снова чувствую аромат телячьей кожи тонкой выделки. И Италии.

– Так в чём подвох? – дерзко бросаю я.

Ведь должен же быть подвох?!

– Вы меня сможете уволить сами в любой момент?! Что

за контракт такой?!

– О нет, детка, ты не поняла. Ты должна будешь проработать у меня три месяца и не захотеть уволиться самой, – кривит он губы в тонкой усмешке. – Сможешь выдержать меня? Получишь деньги. Захочешь уволиться – пожалуйста, никто держать не будет. Но уже без компенсации.

– А что мне надо будет делать? – сглатываю я, и в голове у меня проносятся самые страшные картины.

– О, моя личная ассистентка должна будет делать всё, о чём я её попрошу. Точнее даже не так, – стальные глаза цвета зимнего неба смотрят на меня. Раздевают. – Не попрошу, а прикажу. Потому что я здесь приказываю. А ты – исполняешь, – улыбается он порочной улыбкой.

Ну уж нет.

Да за кого он себя вообще принимает?! Я готова развернуться и уйти прямо сейчас, хлопнув дверью так, чтобы в шкафах полопались все его дорогие бутылки с алкоголем. И, видимо, прочитав это в моём взгляде, Вербицкий подходит к столу, берёт с него распечатанные листы и протягивает мне со словами:

– Но перед тем, как строить из себя оскорблённую невинность, настоятельно советую прочитать контракт, особенно пункт пятый с указанием суммы. Тебе ведь нужны деньги, крошка, так? – сверлит он меня взглядом.

Вынимает из меня всю душу.

Да, мне, чёрт побери, очень нужны деньги, и это не его

собачье дело, на что именно!

– Хорошо, я обязательно всё изучу. Когда вам нужно дать ответ? – вскидываю на Романа Борисовича лицо.

Стараюсь не кусать свои губы и выглядеть независимой.

Хотя, чёрт побери, как вообще возможно выглядеть независимой, когда тебя покупают?!

– Ты не поняла, девочка, – бросает он мне. – Ты должна дать ответ сейчас. Немедленно. Неужели ты думаешь, что я буду ждать? – чуть ли не смеётся он мне в лицо.

Но я вижу, как уже пляшут злые огоньки в его грозном взгляде.

Такие как он точно не привыкли ждать.

– Так что садись прямо здесь и читай чёртов контракт, если тебе это так важно! – вдруг рывкает он на меня, и я сама машинально пячусь к столу.

Плюхаюсь в кресло. Открываю контракт.

Всего три страницы. В графе «Обязанности сторон» вижу только один пункт: «Работник обязуется выполнять любые поручения Президента беспрекословно, в полном объёме, добровольно, в рамках ненормированного рабочего графика».

Сглатываю...

Следующий абзац: «Работник подтверждает, что даёт своё добровольное и полное согласие на исполнение пункта

два настоящего Договора. Настоящее согласие получено не под давлением и выражает полную и безоговорочную волю Работника...»

Полную и безоговорочную волю...

Задумываюсь на секунду.

Здесь может быть всё, что угодно.

«В случае, если Работник отказывается выполнять свои трудовые обязанности, указанные в пункте два, он вправе уволиться в любой день, подав заявление об увольнении.

В случае досрочного расторжения Договора Работник лишается права на получение денежной премии, указанной в пункте пять...»

И дальше – пункт пять.

«При удовлетворительном исполнении своих трудовых обязанностей Работник получает сумму, эквивалентную в рублях ста тысячам долларов США на момент выплаты».

Эта цифра прожигает страницу.

Мой взгляд застывает пелена.

Это даже больше, о чём я могла мечтать.

Это столько, сколько я не заработаю за много лет.

Даже если сейчас напрямик побегу работать на панель...

Эта сумма, которая спасёт мою сестру!

Слышу холодный надменный голос, доносящийся словно из другого мира:

– Ну что, наша принцесса всё ещё раздумывает? Возможно, мне надо брать на работу более сговорчивую ассистент-

ку, – ухмыляется Вербицкий.

Перечитываю последний пункт: «Настоящий Договор вступает в силу с момента подписания его сторонами».

Подписываю дрожащей рукой и двигаю листок своему боссу. Уже настоящему боссу.

– Вот и отлично, – удовлетворённо произносит он, подписывая его, и снова отодвигая мне мой экземпляр. – А теперь ещё один договор, – буквально швыряет он мне его в лицо. – Подписывай. Можешь не читать. Ты же согласилась исполнять любые мои приказы. Добровольно. Не так ли? – поднимается его красиво очерченная бровь.

– Могу я узнать, что это за контракт? – нервно спрашиваю я.

– Всего лишь соглашение о неразглашении. Ничего особенного. Формальности. Но будь уверена, – и тут он привстаёт со своего места, грозно нависая надо мной, – что если ты его нарушишь, то последствия будут ужасны. Наказание – неотвратимо, – сверлит он меня своим взглядом, и я послушно подмахиваю договор.

Отчего-то сейчас я совершенно не сомневаюсь в его словах.

Ну вот. Всё подписано.

Я продала душу самому могущественному боссу.

Самому дьяволу.

– Теперь я могу идти? – робко спрашиваю я Вербицкого. – Мне ведь надо будет подготовиться к завтрашнему рабочему

дню. Кстати, во сколько он начинается?

– Ты не поняла, детка. Твой рабочий день уже начался. Уже сейчас. И ты уйдёшь, только тогда, когда я соизволю отпустить тебя.

Я смотрю в его насмешливое лицо. Внутри всё холодеет. Что мне придётся делать для него? Прямо сейчас? Смотрю на тёмную ночь в огромном панорамном окне за его спиной.

Под Вербицким расстилается огромный мегаполис. Его город, в котором всё принадлежит ему.

И в нём отражается моё бледное лицо с ярко-алой помадой и огромными глазами. Я собираю всю свою силу воли в кулак, и, стараясь выглядеть спокойно и уверенно, смотрю прямо в глаза своему новому боссу. На три месяца.

Пусть даже и не думает, что я вытерплю его дольше этого срока! Три месяца, чтобы получить премию, заплатить за операцию и свалить из этого ледяного кабинета навсегда.

– Хорошо, Роман Борисович. Я готова. Какие будут ваши указания для меня? – ровным голосом произношу я, готовая услышать в ответ всё, что угодно.

Интересно, мне прямо сейчас придётся встать на колени под его столом? Или всё-таки та сногсшибательная красотка успела завершить начатое?

– Ну, во-первых, тебе придётся как минимум переодеться, Инна, – растягивая слова, отвечает мой босс.

– Что?! – мне кажется, или я не расслышала. – Переодеть-

ся во что? – я совсем ничего не понимаю.

– Переодеться во что-то более приличное. Достойное моего личного ассистента, – хмыкает Вербицкий.

И я снова ловлю на себе его раздевающий меня догола взгляд. Поёживаюсь под ним. Чувствую себя неуютно. Но всё равно мне не ясно, что я должна делать.

– По моей личной помощнице и моим сотрудникам судят обо мне и моём бизнесе, – кривит он свои безумно сексуальные губы в презрительной ухмылке, и я съеживаюсь от его унижительного взгляда и слов. – А ты просто одета в какие-то дешёвые безвкусные тряпки с распродажи, от которых так и разит нищетой. Безысходностью, – хлещет он меня этими словами, словно даёт одну за другой по пощёчине. Ты должна будешь со мной ездить на деловые встречи, выполнять все мои поручения. Но только уволь, не в этом позорном тряпье, – заканчивает он свой уже десятый за день сеанс унижения.

– Но у меня нет другой офисной одежды, – опустив глаза в пол, выдавливаю я из себя. Чтобы он не дай Бог не заметил моих слёз.

Слёз обиды. И горечи. Никто меня никогда не называл дешёвой и безвкусной...

– Значит сейчас мы поедem с тобой в бутик, – отрезает мой босс, и я ошарашенно смотрю на него.

12

– В бутик, прямо сейчас?! На ночь глядя?! – ничего не понимаю я. Неужели моя одежда так ужасна?!

И словно прочитав мои мысли, Вербицкий отрезает:

– Да, детка, с этого момента и до окончания нашего прекрасного контракта ты принадлежишь мне. И делаешь то, что я сочту нужным. И да, ты просто ужасно выглядишь. Ты – моя вещь. А у меня всё должно быть только самого высшего класса. И моя корпорация, и дом, и мои шлюхи. И моя помощница в том числе, – сверлит он меня глазами.

– Ваши шлюхи?! – переспрашиваю я. – Но я не ваша шлюха.

– Пока. Но это пока, – запрокинув голову, начинает хохотать мой свежеиспечённый босс. – Согласись, для человека, который только что подписал контракт, в котором он соглашается добровольно на всё, ты немножко строптива, да? – ухмыляется он. – Поверь мне, каждая баба, женщина, если угодно – шлюха. Это просто вопрос цены. Есть шлюхи подешевле. Есть подороже. Только и всего. Но не будем терять времени зря. Как иронично: обычно такими мелочами занимается как раз моя личная ассистентка, но раз уже моя помощница – это ты, а со вкусом у тебя явно проблемы, то мне самому придётся заняться твоим гардеробом.

Мне хочется крикнуть ему в лицо, что дело вовсе не в от-

сутствии хорошего вкуса, а в вечной нехватке денег и нищете. Но зачем мне метать бисер перед свиньями? Точнее, перед одной наглой и напыщенной свиньёй?

И я просто коротко отвечаю на его тираду.

– Хорошо, я готова, – встаю со своего кресла.

– Отлично детка, отлично, ты быстро учишься, – с удивлением посмотрев на меня, кивает Вербицкий и направляется к двери.

А я иду покорно за ним следом.

– Кстати, больше никаких кроссовок, – кидает он мне на ходу, даже не оборачиваясь. – Моя личная помощница – это моё лицо. Моя обложка. Мой фасад. Она должна быть самой стильной и сексуальной. Чтобы у всех, когда она только появляется в комнате, вставал, – ты меня поняла? – оборачивается он ко мне и хмыкает.

И я только молча смотрю в его глаза, где пляшут бешеные огоньки.

Он что, издевается? Или шутит? Что-то не похоже...

– Тогда не проще было бы вам нанять себе в помощницы какую-нибудь дорогую эскортницу? – дерзко отвечаю я. – Ну, чтобы у всех сразу вставал?

– Нет, – отрезает он, нажимая кнопку лифта. – Эскортницу может купить каждый идиот с парой сотен в кармане. А у меня должен быть только эксклюзив.

Мы спускаемся в опустевший подземный гараж, где нас уже ждёт заведённая машина, и мягкое кожаное нутро по-

глощает наши тела.

Я сижу, утопая в глубоком мягком кресле, и буквально через несколько сантиметров от своего бедра я чувствую близость тела моего босса. Дикого. Притягательного.

Дурманящего своим ароматом самца. И власти.

Но я скромно отодвигаюсь к окошку и пытаюсь с равнодушным видом рассматривать пролетающие мимо ночные огни.

Я должна быть сильной и независимой. Ни за что не показывать свою слабость. Я знаю таких мужчин: только поддашься им, ослабеешь, и они сомнут тебя в один миг и сожрут. И выплюнут твои обглоданные косточки на потеху толпе.

Так что только деловые отношения. А шлюх у него и так хватает.

– Приехали, – резко бросает мне Вербицкий, когда наше авто подъезжает к какому-то роскошному двухэтажному особняку.

Неужели в это время что-то ещё открыто, – проносится у меня в голове, а водитель уже распахивает перед нами дверцу.

И я поспешно семеню за широкой спиной Вербицкого к огромной кованой двери.

– Роман Сергеевич, мы вас так ждём, так ждём! – появляется в дверях высокая дама бальзаковского возраста, утянутая в чёрное строгое платье до колен. – Проходите, пожа-

луйста, что вы желаете, как обычно? – елеиным голоском лебезит она перед ним, пятась в дверях вглубь огромного роскошного зала.

Я оглядываюсь по сторонам: всё пространство здесь заставлено вешалками, на которых висит самая роскошная, самая красивая одежда от известнейших брендов! У меня разбегаются глаза и перехватывает дух: такое великолепие я видела в последний раз много лет назад, когда мы с папой и Юлькой ездили в Париж.

Но это было в прошлой жизни. И не со мной.

– Нет, сегодня не как обычно, – отрезает Вербицкий. – Сегодня нам нужно одеть эту девушку, – кивает он на меня. – Есть у вас что-нибудь подходящее? – задаёт он скорее риторический вопрос, потому что я уверена, что в этом дворце одежды есть абсолютно всё.

– Конечно-конечно, – семенит дама, давайте мы отведём её в примерочную, и она вдруг громким голосом кричит куда-то вглубь этого особняка: – Лена, Верочка, срочно! – и в дверях появляются запыхавшиеся девушки, в таких же строгих чёрных платьях. – Пройдёмте со мной, милочка, – обращается она ко мне, и тут я слышу раздражённый низкий голос Вербицкого за спиной.

– Вы не поняли, я буду сам контролировать процесс.

– Безусловно, конечно, Роман Сергеевич, – испуганно подпрыгивает эта дама и ведёт нас за собой по длинным обтянутым атласом коридорам.

Открывает дальнюю дверь ключом, и я оказываюсь в большой светлой комнате с креслами и столиками в центре.

– Всё как обычно? – переспрашивает Вербицкого дама, пока он садится в глубокое, обитое шёлком, кресло. И тот только молча кивает в ответ.

– Верочка, коньяк господину Вербицкому, – кричит она одной из своих помощниц, и с заискивающим видом обращается уже ко мне: – А нашей дорогой девушке?

– Она на работе, – коротко отрезает мой босс, и дама сразу же замолкает.

– Я сейчас всё проконтролирую, и вернусь к вам буквально через несколько минут, – испуганно бормочет она и выбегает из комнаты, пока я продолжаю стоять посередине, озираясь по сторонам.

– Времени мало. Раздевайся, – рявкает мой босс, и я ошарашенно смотрю на него.

13

– Что значит раздевайся? – бормочу я. – Вот так, прямо здесь?!

– О боже! – закатывает глаза Вербицкий. – Да, представь себе: прямо здесь и сейчас. Не прикидывайся дурой! И не заставляй меня пожалеть о том, что я взял тебя на работу! Ты что, будешь мерять одежду прямо на свою эту юбку с блузкой? – рычит он на меня.

И бросает в сторону, процедив сквозь зубы:

– Да уж, пожалел убогую...

Это он обо мне?!

Волна обиды, ярости и ненависти накатывает на меня пылающим пламенем лавы. Я готова вцепиться в него когтями. Рвать его на куски, запрыгнуть на его колени и... И...

И я вспоминаю условия контракта. И деньги, которые на кону.

А ещё я вспоминаю, что мне всего девятнадцать лет. И даже не двадцать пять, как той самой фотомодели Лалли Брик, или тридцать, как знаменитой актрисе Синичкиной!

И тут я понимаю, кого же так напомнила та девушка, с которой я столкнулась в кабинете: это и была Светлана Синичкина!

Значит, таблоиды не врут?! И у них роман?

И вместо того, чтобы сейчас трахать всех своих фотомо-

делей, актрис и других шлюх, как он их сам называет, Вербицкий собственной персоной сидит здесь, в примерочной, чтобы приодеть свою секретаршу?

Ну что же, он получит то, что хочет, решаю я про себя.

Представляю, что я сейчас на море, пришла только на пляж, и жаркое солнце уже греет мои волосы, которые золотыми нитями переливаются на солнце...

Я прикрываю глаза, и начинаю медленно расстёгивать свою блузку. Я слышу вдалеке крик детей, шёпот ласковых волн, я наконец-то сейчас сниму с себя всю эту тяжёлую ненавистную одежду, и войду в прохладную солёную воду...

Блузка с тихим шорохом летит на пол, к моим ногам, и я скидываю свои кроссовки, переступая через них.

Даже не обращаю внимания на своего босса, как будто я здесь совсем одна, в купальнике: я расстёгиваю юбку, и она скользит вдоль моих ног, растекаясь чёрной лакричной лужицей подо мной.

Остаюсь в одном простом белом хлопковом бюстгалтере и таких же простых трусиках-шортиках. Ничего экстраординарного и кружевного. Как-то не до этого было. Кроме простых самых дешёвых чёрных чулок на резинке.

Оставшись в одном белье, поднимаю наконец-то глаза на Вербицкого. Смотрю, не отводя взгляда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.